

ВОЛШЕБНИК СЛОВА¹

Об избранных книгах заслуженного работника культуры Республики Узбекистан поэта Раима Фархади (к 80-летию со дня рождения)

I

В аннотации к изданию произведений Раима Фархади «Доброта. Книга лирики» (Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1972) читаем: «Стихи новой книги лирики Раима Фархади объединяет чуткое, трепетно-заботливое внимание к человеку и к окружающей его природе». Думаю, что это достаточно общее суждение о стихах, собранных в сборнике, верно, но всё же хочется остановиться не только на заботливом взгляде автора на окружающий мир, подмечающем самые мелкие, а потому подчас очень важные детали. Спустя годы мы можем различить в авторской манере Фархади прежде всего умение взглянуть на предметы и явления глазами философа, с мудростью, скрытой подчас в подтексте стихотворений.

Сейчас, когда стихи «сочиняют» почти все, у кого дома есть компьютер, почти не слышно, тем не менее, суждений о том, что же предложения, записанные «в столбик», превращает в поэтическое явление? А зря. Ведь многие из «авторов» и их читателей с удивлением бы узнали, если б задумались над этим вопросом, что главную роль в поэтическом произведении играют отнюдь не признаки технического мастерства (владение рифмой, соблюдение размера и т. д.), а наличие глубокой и оригинальной мысли и личностная ее подача. Этот тезис подтверждают многочисленные прекрасные стихотворения в прозе – вот уж где точно всё держится на высказывании определенной мысли и ее развитии!

Так вот, у Раима Фархади каждое стихотворение содержит ярко выраженную мысль, направленную на созидание, пронизанную гуманизмом и при этом лишенную дидактического начала.

Царица-мысль, как и положено, следует со своей замечательной свитой, в которую входят блестяще выдержанная ритмика, точные, почти безукоризненные рифмы и, конечно, великолепные метафоры, аллегории.

Если очень внимательно прочесть стихи, вошедшие в книгу «Доброта», то становится понятным, насколько мастерски создает автор свои поэтические полотна: практически каждое стихотворение – это новелла, психологическая зарисовка, иногда притча. Корни такого удачного творчества, как я считаю, в слиянии восточных и европейских традиций в искусстве (в широком смысле этого слова). Причем подчас отличить, чего же больше в том или ином стихотворении –

¹ Статья публиковалась, см.: Журнал «Звезда Востока», 2021, № 3, с. 139-140 (фрагменты); Веб-альманах «Слово», 2022, вып. 3, с. 44-62 (под назв. «Восхождение поэта»); Веб-сайт «Письма о Ташкенте», 3023, 5 декабря (<https://mytashkent.uz/2023/12/05/volshebnik-slova/>). – Перепост на https://t.me/china_uz_friendship; Веб-альманах «Слово», 2024, вып. 11, с. 4-22.

орнаментальности или же классической сдержанности, – не представляется возможным. А, впрочем, это и не нужно ради сохранения магии поэтического высказывания.

Открывает книжку небольшое стихотворение «Две строчки в книжке записной...» Его, пожалуй, можно не считать «программным» для этой книги (не говорим – всего творчества), но оно «тянет» на многозначительный эпиграф. Ведь в нем так наглядно развивается фабула – в манере, свойственной всему творчеству Р. Фархади. Прием здесь таков: фабула разворачивается непредсказуемо и необычно.

*Две строчки в книжке записной
Внезапно ожили весной...*

– таково начало повествования. Читатель предполагает, что автор вот-вот поведаст, что же это за строчки, но просчитывается. Далее мы узнаем о том, как менялась погода с момента записи двух строк – «таял снег. Синела высь. Теплело. Грозы пронеслись»...

К упомянутым двум строчкам автор возвращается лишь в конце стихотворения, и при этом мы узнаем не какую-то животрепещущую истину, а всего лишь о том, что «роса блестела между строк». «Мораль» такова: в дозимнее время в них (двух строках), уже была заложена «весенняя роса».

Согласитесь, интересно следить за ходом рассуждения автора, о котором можно с уверенностью сказать: он нестандартно мыслит.

Что еще подкупает в лирике Раима Хакимовича Фархади? Его сочувствие всякому живому существу, будь то травинка, муравей или человек. Причем это сочувствие не напускное, не «дежурное», а вполне осознанное, впитанное с молоком матери. Столь сердечному взгляду на жизнь наш любимый поэт обязан родной земле, замечательно его воспитавшей, ибо, как известно, «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» (Н. А. Некрасов) (я бы сказал шире – *человеком* быть обязан).

Читая стихи Р. Фархади, представляешь перед собой равнодушного человека. Он понимает, как хрупка жизнь на нашей планете и как много зависит от нас в деле ее сохранения. Он сочувствует муравью, несущему поклажу, беспокоится, чтобы не упала «девочка на шаре»:

*Не столкнули бы, не помешали
Удержаться девочке на шаре,
Только бы не дали ей упасть.*

Сердечные слова находятся у автора «Доброты» даже для саксаула, обычно вспоминаемого стихотворцами в пародиях и шуточных стихах (вот уж, казалось бы, совсем не опозитизированный вид растительности!):

*Саксаул.
Его и ветер гнул –
Скрючился, как старец, саксаул.
Брали и пески его в тиски –*

$\langle \dots \rangle$ [illegible]

<...>

*Иль тот язык, –
Его слова простые
Беру из росных трав,
Слова босые.
Слова осин,
светлеющих берез...*

Являясь подлинным художником слова, Р. Х. Фархади прекрасно понимает природу творчества в целом. Оттого у него так хорошо получаются стихотворные новеллы о художниках, артистах, писателях, поэтах (в данной книге смотри стихотворения «Луговской», «Самаркандский мастер», «Превращение Гамлета», «Поэт», «Пушкин»).

К настоящему времени за заслуженным работником культуры Республики Узбекистан Р. Фархади прочно закрепилось звание защитника природы.

Но не сразу вызревала его «экологическая эстетика», она – плод долгих раздумий, творческих поисков, приведших к созданию череды незабываемых, прежде всего, с точки зрения непреложной истины стихотворений-открытий на тему заботы о природе (хотя вряд ли для себя автор их так атрибутировал). В книге «Доброта» такие стихотворения также есть.

*Я просыпаюсь
И шагаю в утро.
Я убеждаюсь:
Всё в природе мудро.
(«Я просыпаюсь...»)*

*Ты не выйдешь к морю,
Зарафшан...
Не отпустит шумная долина,
С нею жизнь твоя неразделима.
Вечно в том просторе, Зарафшан,
Будешь ты струиться по арыкам...
(«Ты не выйдешь к морю...»)*

Здесь можно было бы процитировать и такие стихотворения, как «Дума о Земле», «Учил отец растить деревья», «Грачиха», «Птицы прислали вчера заявление...» и некоторые другие.

Но есть два стихотворения – очень значимые в плане «экологичности» (условно). Это «Аральское море уходит» и «Верю в деревья и травы...».

Вот первое из них:

*Аральское море уходит
На цыпочках. Море мелеет.
Вдоль берега, как пароходик,
С утра твое платье белеет.*

*Быть завтра горячему ветру.
Вздыхает стихия морская,
По камешку, по сантиметру
Подножье скалы обнажая.*

*Темнеет варан на бархане.
Ему здесь приволье отныне.
Шипит и разносит дыханье
Уснувшей от зноя пустыни.*

*Уступы остры и покаты,
Соленые травы поникли.
Щемящее чувство утраты,
И странно: к нему мы привыкли!*

*Наверно, мы тоже мельчали,
Шутя, улыбаясь, как прежде,
Смотрели и не замечали
Потери своих побережий...*

*Родная, где птичьи базары?
Где чаек твоих изобилье?..
Крича, улетели гагары,
Но мы безучастными были.*

*А волны на отмелях синих
Тянулись, как будто руками.
И вот отступили, не в силах
Возвыситься над берегами.*

*Лишь соль заблестит на ресницах
Крупинкою грустной во взоре...
Обнять торопливо, проститься –
Уходит Аральское море.*

В чем же секрет запоминаемости этого стихотворения? Во-первых, конечно, в выборе темы, которая была «на слуху» в пору его написания и остается актуальной уже много лет, во-вторых, в некоторой притчевости повествования, в-третьих, в успешном применении такого приема, как «погружение читателя в сюжет», в-четвертых, последствия обмеления Аральского моря описаны с помощью ярких образов, зримых и «выпуклых»: они, словно крупные мазки на холсте художника, будят воображение. И еще. Ответственность людей за экологическую катастрофу на Арале автор не выделяет как-то особо, наоборот, она лишь обозначена как бы случайными оговорками («Щемящее чувство утраты, // И странно: к нему мы привыкли!»; «Смотрели и не замечали // Потери своих побережий»; «Крича, улетели гагары, // Но мы безучастными были»).

И всё же, самое главное, что делает это произведение состоятельным, – таким, которому безоговорочно веришь, – так это чувство искреннего сожаления о случившемся, переживаемое не коллективно (что было бы вполне ожидаемо в советское время), а индивидуально, самостийно. В итоге проблема обмеления моря предстает не столько общенациональной, сколько личной для каждого читателя.

А вот следующее значимое «экологическое» стихотворение:

*Верю в деревья и травы,
В их освежающий шум,
Неистоимый и правый,
Полный возвышенных дум.*

*Светлой порой и в неволе
Вдруг отрешась от всего,
Слышу пшеничное поле,
Голос негромкий его.*

*Вижу высокие кроны,
Будто счастливые сны,
Как мы без них малокровны,
Как отрешенно бледны.*

*Снова являются силы,
Руки парят в синеве,
Если ногами босыми
Утром шагнешь по траве...*

*Рубим, срезаем и пилим,
Пней оставляя круги,
В этом лесном изобилье
Лезем и лезем в долги.*

*В дни роковых испытаний,
В тягости горьких минут
Ветви зеленые встанут,
Нас они, грешных, спасут.*

*Тайнам извечным внимая,
Зря ли твердят испокон:
Каждым ростком прорастают
Люди минувших времен!*

*Да, ведь и мы, без сомненья,
Станем стволами дерев,
Помня ошибки, паденья,
Листьями словно прозрев.*

По существу, перед нами монолог – достаточно эмоциональный, прочувствованный, которому веришь. В нем Раим Хакимович Фархади признается в своей вере в силу природы, ее извечный «разум», спасение человечества через единство с ней.

«Деревья и травы» здесь почти что очеловечены: они «полны возвышенных дум», обладают «негромким голосом» и т. д. И это не просто красивая образность, а искусная «подводка» к основной мысли данного произведения:

*Каждым ростком прорастают
Люди минувших времен!*

Наделение высокими человеческими качествами представителей растительного мира не дает нам усомниться в нашей с ними не только духовной, но и биохимической, «генетической» связи. Если верить утверждению некоторых современных ученых, душа это энергия (которая, как известно, не иссякает), то вполне логично допустить переселение душ от людей к растениям, животным и наоборот. А значит, всё живое на нашей Земле – единая сложноорганизованная система, до конца не изученный планетарного масштаба организм.

В рассматриваемом нами лирическом монологе Раиму Хакимовичу удалось от общего рассуждения о необходимости заботы о «деревьях и травах» перейти к устойчивому личному убеждению в этом. Такой «прием» реализовать под силу, пожалуй, только большим мастерам слова. Обычно мы наблюдаем обратное: от личного, прочувствованного опыта – к широкому, значимому для многих обобщению.

Считаю, что стихотворения «Аральское море уходит...» и «Верю в деревья и травы...» стали одними из важных «зерен», из которых в последующем проросло оригинальное лирико-экологическое мышление Раима Фархади – оно-то и принесло ему заслуженную мировую известность.

Видим мы у автора «Доброты» и задатки эпика. Жаль, что поэзии свойственны в основном малые формы (романы в стихах – редкость). Наш автор умеет населять свои тексты вполне убедительными персоналиями (веришь, что их можно встретить в реальной жизни). В этом смысле интересно стихотворение «Карагач в Шахимардане», посвященный памяти поэта и просветителя Хамзы. Его образ выписан автором без мелких деталей, на «крупном плане», отчего безоговорочно значимой предстает его личность. При этом мы видим, насколько наблюдателен автор, насколько хорошо знает психологию человека и как прекрасно умеет определять типические для людских характеров черты. Именно эти качества очень важны для поэта-эпика, хотя и лирику они не помешают.

Свою «речь» Р. Фархади в указанном выше стихотворении начинает «издалека»:

*Много есть карагачей в Шахимардане.
Среди них в молчании стоит
Карагач один, причастный к тайне.*

Это дерево должно «помнить» поэта, погибшего рядом с ним от рук недоброжелателей.

После описания (весьма краткого, исключаящего всё неосновное) облика и сути личности Хамзы Хакима-заде автор подводит нас к указанию на причину случившейся культурно-исторической катастрофы (гибель выдающегося поэта рубежа XIX – XX веков):

*Создана им, чтоб учились дети,
Школа в самом центре кишлака!*

То есть его просветительская деятельность, направленная на повышение уровня жизни населения, встретила враждебное отношение со стороны ретроградов, отрицавших всё новое и прогрессивное.

*Помнит дерево,
<...>
Как нежданно ворвалась беда,
Как в поэта полетели камни...*

Знаменательно по горькой правдивости, точности формулировки итоговое обобщение рассказанной автором были:

*Острым камнем, каплями свинца
Сколько раз пытались озверело
Уничтожить песнь, сразив певца,
Целятся, а песня улетела!*

В связи с вышесказанным об уникальном даре эпика у Р. Фархади обращаю внимание читателя на стихотворные произведения «Мальчишка», «Лайлак», «Голоса гетто» (баллада), «Снег Хиросимы», «Луговской», «Иван и Жар-птица» (маленькая поэма). Их объединяет как минимум одно: буквально несколько точных штрихов делает образы героев живыми, близкими и понятными.

«Доброта» определена как книга лирики. А она, лирика, разнообразна. В этой книге мы встречаем не только глубоко личностные переживания автора, его философские размышления, но и прочувствованные многими из нас гражданские мотивы. Словом, представлены в «Доброте» все разновидности лирики. А порой нельзя понять, к какой лирической градации отнести то или иное стихотворение – любовной, пейзажной, городской, философской или гражданской – настолько их характеристики переплетены, неоднозначны.

Конечно, было бы важно понять, что делает высказывание (пусть и рифмованное) поэтическим? Здесь важно уяснить: у настоящего поэта «в рукаве» много технических приемов, но главное, у него должен быть хороший вкус (эстетический), формирующийся в результате чтения и анализа произведений поэтов-классиков.

Многие современные авторы слишком уж злоупотребляют прямым высказыванием, забывая, что не только в нем должен быть смысл. Еще он должен возникать и за строкой, между строками.

Не вдаваясь в подробности, скажу: Р. Фархади профессионально владеет техникой стихосложения, обогащая ее своими авторскими приемами. Так, примером «развернутой» (если можно так выразиться) метафоры может служить стихотворение «Кирпичные ступеньки» (причем всё целиком!).

Оно начинается с прямого высказывания:

*Кирпичные ступеньки.
Давно, когда был мал,
О них свои коленки
Я часто разбивал.*

А в конце стихотворения, обращаясь к матери, лирический герой говорит:

*Смажь, мама, лучше йодом
Царапины мои.*

*На них бы осторожно,
Тихонечко подуть,
Да отыскать их сложно:
Саднят они чуть-чуть...*

То есть царапины на коленках, как по волшебству, превращаются в царапины на душе.

Кстати, в этом стихотворении заметна переключка с С. Есениным («Ничего! Я споткнулся о камень, // Это к завтраму всё заживет»).

II

«Собранные вместе лучшие стихотворения Фархади представляются своеобразным философско-лирическим исследованием мира, постигаемого художником, ибо именно философский лиризм мышления кажется одним из основных свойств, формирующих и движущих идейно-образную систему его поэзии», – отметил Петр Тартаковский, один из исследователей творчества Раима Хакимовича Фархади (см.: П. Тартаковский. «В поисках главного. Литературно-критические статьи». – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978). По мнению П. Тартаковского, «в истоке стихотворения у Фархади почти всегда лежит образ зримый, вещный, ощутимый на ощупь – предмет с формой, цветом, запахом». Этот образ может остаться порой за «текстом», став первотолчком ассоциации, за которым следует эмоциональный всплеск – собственно поэзия. В книге Р. Фархади «Птица Радость – птица Грусть. Стихи, баллады, поэмы» (Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1979) отмечаемую исследователем особенность можно проследить очень явно. Вот, например, очень зримый образ планеты в стихотворении «Землевание»:

*Кружится, кружится
Наша Земля –*

*Гнутся, шумя на ветру, тополя.
Птицы летят. Опадает листва.
Кругом, всё кругом идет голова!..*

Сама строфика, кажется, способствует созданию полноты образа Земли – голова читателя как будто на самом деле кружится вместе с нашей планетой.

А во второй и третьей строфах появляется находившийся ранее «за кадром» образ возлюбленной лирического героя:

*Рядом была ты, почти предо мной,
Облаком светлым прошла стороной.
Шли мы навстречу... Да вот не учли
Этой стремительной силы Земли.*

*Древней Земли
Центробежная сила
В разные стороны нас относила!*

Благодаря этому, я бы сказал «кинематографическому», приему Земля из космического объекта превращается в родной дом (как бы приближаясь к читателю) – близкий, жизненно необходимый, понятный и такой уязвимый, хрупкий на просторах Вселенной! Кстати, здесь явно проступает реминисценция строк легендарного поэта XX века Николая Рубцова («Как центростремительная сила, // Жизнь меня по всей земле носила!»). (Но творческая переключка Р. Фархади с поэтами-предшественниками – это особая тема для исследования, оставленная мною за рамками данной статьи.)

В маленькой притче «Бытие» читаем:

*Великий Круг вращает времена.
Та истина древнейшая верна:
— Чего ждешь, юноша?
Чем очарован ты?*

– Жду вечера.
Жду звездной темноты.
Свиданья жду
с возлюбленной своей –
Жаль, мчитса ночь
мгновения быстрее!..

Сразу представляется неназванный образ гончарного круга – кажется, что строфа о нем, дав толчок дальнейшему ассоциативному ряду, осталась в черновиках. За счет такой – волшебной, не побоюсь этого слова, метафоры (по своей парадоксальности, неожиданности) стихотворение наполняется глубинными смыслами, достойными приведенной в качестве эпиграфа древнеиндийской мудрости – «Чередование дня и ночи принесет забвение горя». Вообще, сравнивая книгу «Птица Радость – птица Грусть» со сборником «Доброта», неизбежно замечаешь: мудрости житейской, «первородной» у нашего

поэта значительно прибавилось. Почти что нет в «Птице Радости – птице Грусти» произведений легкомысленных, проходных, наоборот, в каждом находятся зерна «здорового смысла», «сердца горестные заметы», понятые глубоко личностно вековые истины: «Одна любовь умрет, // Взрастет другая»; «Улыбается город светло, // Снится городу детство: село»; «Я вам желаю трудного счастья! // Легкое счастье – это несчастье»; «Растает утро дымное – // И вся земля видна... // Есть у меня родимая, // Родная сторона!» и т. д.

«Фархади умеет выразить важные и выношенные идеи свежо и своеобразно, не только видя, но и воплощая значительное и огромное в малом – воссоздавая в двух-трех строчках целый мир мыслей и эмоций» – вот еще одна цитата из упомянутой мною ранее книги П. Тартаковского. В качестве подтверждения суждения исследователя могут служить, например, такие строчки:

*Мы – дети бетона,
Но в нас не из камня душа.*

Нельзя пройти мимо поэм, размещенных в книге «Птица Радость – птица Грусть». «Журавленок» – в этой поэме рассказывается трогательная история о журавленке, который, будучи раненым, оказался в подворье известного ташкентского композитора Алексея Козловского и остался там выздоравливать. Великая сила музыки, которая царила в доме музыканта, конечно, не могла вылечить крыло журавленка, но исцелила дух раненой птицы. Журавленок, не имея возможности взлететь, научился танцевать, когда звучали мелодии. Автор находит нужные сравнения, чтобы подчеркнуть, как важно человеческое участие любой живой душе, что, помогая другим, мы помогаем и себе. В этой маленькой поэме нет демонстрации какого-то особого стиля: повествование ведется простым, бесхитростным языком. «Приземляющая» читателя прозаичность лишь изредка украшена сравнениями. Но зато такими поэтичными! Так, журавленок назван «почти еще ребенком», он упал с высоты так, как «будто небо выронило скрипку», у него «тяжело срастались в крыльях струны». А вот пример уникального эпитета – «музыка звучала голубая». Не правда ли, он передает ощущение полета?

Поэма «Ярмарка цветов» приведена не полностью, но, тем не менее, занимает немалый объем книги. На это раз Р. Фархади решил не идти проторенным путем, а создал произведение в жанре поэмы по собственным лекалам – из достаточно самостоятельных лирических стихотворений, элегий, баллад и мини-поэм. В итоге в «Ярмарке цветов» то и дело меняется ритмический рисунок, появляются разные стихотворные размеры, что, как вы понимаете, традиционной поэме несвойственно. В «Ярмарке...» отдельные фрагменты объединены очень неявной, а оттого широкой идеей – родина это не только место, где ты родился, но и его дух, люди, которые живут на нем, их заботы и желания; родина это еще и природа, которую надо беречь. Автор на глазах у читателя «взращивает» свою малую родину (самаркандский Багишамал) до большой страны, а затем до одинокой планеты во Вселенной. Причем ему удалось избежать дидактики, создать живые образы отца-садовника, матери, возлюбленной, космонавта и многих-многих других, населяющих родину поэта, людей, без которых разве была бы она дорога сердцу?

«Сердцевиной» этого уникального по замыслу и техническому исполнению повествования можно считать балладу «Сказки деревьев», которую придется привести полностью, так как невозможно прервать ход мыслей в ней.

*Я рос, как в деревне,
На Багишамале.
Большие деревья
Меня окружали.*

*Так было давно
 установлено в доме:
Вставать на рассвете.
Отец мой, садовник,
До завтрака сад обходил
 незаметно,
Попутно срезал он
 засохшие ветки,
Взрыхлял у корней
 увлажненную землю,
И листьям, и птицам
 заботливо внемя...
Пораньше вставая,
 я двигался рядом,
Любуясь шумящим
 светлеющим садом.
Деревья,
 паря над моей головою,
Качали ветвями,
 шуршали листвою.
Урючина, груша,
 две тетушки вишни
Меня узнавали,
Я был там не лишний.
Ветвь тала
Шептала
О чем-то заветном...
А яблоня,
 низко склоняясь под ветром,
Дарила мне яблоко
 с красным отливом...
Я шел к ним,
 замерзшим
 и солнцем палимым.
Смелея,
 ловил их лучистые краски...
Деревья
 умели рассказывать сказки.*

У самого дома
Стояла чинара.
Ей – тысяча лет,
И она начинала:
(Я слушал растерянный,
чуткий,
глазастый.)
– Жил добрый волшебник...
в затерянном царстве...
Но были у власти...
волшебники злые...
А люди бесстрашные и удалые,
Что прихоти царской их
не подчинялись...
Злой силой...
в деревья тотчас превращались.
Сгибали их бури...
ломали их грозы...
И реки текли там –
горючие слезы...
То царство обмана,
жестокости, фальши... –
Чинара смолкала.
– А что было дальше?
И тысячелетняя бабка чинара
Вздыхала
И сказку свою продолжала:
– Могучих стволов
там стояло немало...
И добрый волшебник сказал им:
«Идите
И царский дворец
в сто лесов окружите.
Народ защитите...
любою ценою...
Срастайтесь корнями...
вставайте стеною...»
Наутро проснулись
волшебники злые
И видят: леса перед ними густые...
Скорей за мечи –
и рубили, рубили...
Они все мечи о стволы иступили,
Но не одолели зеленой твердыни.
Еще колдовали и слали напасти...
А дети деревьев узнали о счастье,
Там люди счастливо живут и поныне...

*Закончилась сказка.
Звучала другая,
Зовя, будоража,
 щемя, увлекая.
Опять надо мною шумели деревья,
Учили быть выше
Светлее,
Добрее.*

Здесь автор, словно деревья, выхаживает дополнительные смыслы – и поражаешься, насколько они глубоки и в то же время понятны, близки каждому, кто искренне любит свой край и готов ему послужить. Стоит заметить, что именно в этой балладе появляется образ доброго волшебника – именно так будут впоследствии называть самого Раима Хакимовича Фархади его преданные читатели.

Как жаль, что сейчас не принято сочинять поэмы – они длинные, в них должна царствовать мысль, желателен сюжет, а главное – нужен герой (а где его взять?) – так думают, наверное, на этот счет молодые стихотворцы. А ведь практически каждый видный русский поэт стремился дополнить собрание своих стихов поэмами (порой удачными, порой – не очень), ведь малых стихотворных форм недостаточно, чтобы художественно отразить время с его трагедиями, разломами, достижениями.

Но будем надеяться, что поэму о нашем непростом времени (с глобализацией, индивидуализацией, экологическими проблемами и так далее) напишет именно наш волшебник слова – Раим Хакимович Фархади.

III

Если задаться вопросом «Как стать автором, понятным большому количеству читателей?», то вариантов ответа найдется немало. И наверняка в каждом будет доля истины. Если же попытаться найти ответ на этот вопрос в творчестве Раима Фархади, то, пожалуй, лучше всего обратиться к его книге «Улица влюбленных» (Ташкент: Издательство «Ёш гвардия», 1982). Вышедшая в «молодежном» издательстве, она и адресована в первую очередь молодым. А потому ее язык максимально приближен к языку подростков, представителей юношества, правда, этот язык в каждую эпоху – свой. Тогда, в 1980-е, большую часть молодых людей занимали проблемы самоидентификации, поиска места в жизни, нравственных начал, осознания важности служения обществу, расширения кругозора, погружения в пространство культуры. Материальные блага не отвергались, а воспринимались как результат созидательного труда и средство, помогающее в саморазвитии. (Кто-то сегодня обязательно поспорит с этим утверждением). Именно обо всем этом говорит на языке, понятном эмоционально пылкому, духовно ищущему юному читателю, в своих произведениях Р. Фархади. Исполнень, ненавязчиво, посредством образов запоминающихся героев автор книги сеет зерна познания в благодатную почву, ведь душам молодых людей важно получить прививку от черствости, злобы, неверия, приспособленчества.

Автор учит разбираться в таких важнейших нравственных категориях, как Добро и Зло. Жаль, что сейчас всё меньше становится поэтов, обращающих свое внимание на духовные запросы детей старшего школьного возраста и юношества.

Удачно наладить диалог с адресной аудиторией автору книги помог такой интересный прием, как разговор с читателем на равных. Автор будто бы отождествляет себя с теми, к кому обращается, уверен, что обязательно будет понят, ведь он такой, «как все, свой», ровесник, которому можно верить. Это прием наглядно представлен уже в заглавном стихотворении:

*Я живу на улице Влюбленных,
Улица растет. Дома встают.*

<...>

*Вот мой дом. И в нем в любом подъезде
Всех своих соседей знаю я.*

(«Улица Влюбленных»)

Тем не менее, из «всех своих соседей» автор «окликает» девочку Джульетту и мальчика Ромео, литературных потомков великого Шекспира. Правда, участь у юных влюбленных в новых исторических условиях, по замыслу автора, должна быть оптимистичной. Но, конечно, и потрудиться им придется. Прежде всего – задуматься и уяснить непреложные истины. И автор предлагает им своего рода мини-энциклопедию жизни. Так, к примеру, из стихотворения «Свет Отчизны» они узнают о «звезде Земля», оглядывают ее «с комического корабля» и понимают, насколько неразрывна связь всего живого на Земле. А еще они учатся любить родину так, как ее любит лирический герой стихотворения «Вечный огонь»:

*Я родился, а страна – в огне,
И отцы, и братья на войне.*

*Сколько их не вышло из огня...
Пламя это обожгло меня.*

*Вырос я. Иду тропой земной,
Ласковое небо надо мной.*

*Родина! Огромная страна –
Ты на свете у меня одна.*

Вообще нельзя обойти вниманием тему отечества в этой книге. О нем, по мнению Р. Фархади, не стоит забывать ни в будни, ни в праздники, ни в горе, ни в радости. Глубокие раздумья на эту тему не кажутся читателю излишне усложненными, наоборот, в них на первый план выходят очищенные от ненужных деталей и патетики сущностные определения того, с «чего начинается Родина».

Считаю,

*Это было очень правильно:
Что воспитала ты меня, окраина,
Что, как в деревне,
На Багишамале
Огромные деревья
Окружали.
Что молоком меня парным поили,
Что петухи-будильники будили.
А из окна в одноэтажной школе
Мне виделось родное наше поле.
(«Городская окраина»)*

В этом ряду стоят и такие удачные стихотворения книги, как «По ночам...», «Обычай», «К материнским холмам...», «Время птичьих перелетов...», «Стала мама моя уменьшаться...», «Большое дерево стояло...» и другие.

Конечно, наш родной край – край восточный, а значит, без восточной мудрости, «выкованной» в народе веками, разговор поэта с молодежью не обходится. Рассказывая о традициях, нравах, свершениях и победах своего народа, Раим Фархади порождает у читателей чувство причастности ко всему происходящему вокруг, равнодушие к ближним и дальним, судьбам своей страны.

В общем, он нашел ту единственно продуктивную интонацию, которой верит юношество, – интонацию доброжелательной сопричастности, свойской доверительности. А без большого сердца, сочувствующего и сопереживающего, такого добиться невозможно. И – без детскости в душе.

*Прилетели аисты.
Ночью. Или нет?
Нас крылом касается
аистиный снег...
Снег последний, тающий
в сумрачной тиши.
Прилетали аисты
или нет? Скажи.
(«Прилетели аисты...»)*

IV

Следующий сборник – «Древо радости и печали. Стихи». (Москва: Советский писатель, 1990). Аннотация к нему содержит суждения А. Межирова, учителя Р. Фархади по Литературному институту имени А. М. Горького: «Стихи Раима Фархади – сплав современности и истории. Поэт стремится стоять лицом к лицу с жизнью, быть с глазу на глаз с природой. В лучших своих стихотворениях Р. Фархади – мыслитель, но не рассуждающий, а предлагающий свою судьбу современникам как мысль о времени...». Точнее не скажешь.

Поскольку книга «Древо радости и печали» выходила в Москве, то вполне резонно она впустила в себя густой восточный колорит, что видно хотя бы по

названиям стихотворений («Снег в Самарканде», «Музликуён», «Ташкентский дом», «Самарканд. Уходящая окраина», «Родников самаркандских струя...», «Тутовина, или шелковица, на пути в Маргелан. 1977 год», «Легенда об огне», «Мираж» и т. д.). И надо сказать, Восток предстает в книге как «прародина родин» (говоря словами Анны Ахматовой). Это земля древних истин, насыщенная неспешным течением времени, населенная людьми, мудрыми сердцем. Да и сам автор книги – прежде всего рассказчик-философ; его, не лишённые притчевости, наполненные многозначительными образами и яркими прозрениями, стихотворные новеллы продолжают ряд выдающихся произведений, вышедших из-под пера известных на весь мир восточных мыслителей (в первую очередь я бы назвал Алишера Навои). Как и у них, у Раима Фархади художественное пространство держат духовные скрепы (без которых невозможно процветание общества в Азии). Он прокладывает духовный мост от прошлого к современности и ожидаемо отдает дань остросоциальной тематике, публицистичности, столь характерным для конца 1980-х и начала 1990-х годов, когда в ходу были перестройка и гласность. При этом, будучи настоящим художником, Раим Хакимович избегает вульгарности, плакатности, шаблонности, которыми тогда грешили многие авторы. Критику действительности он, словно искру, высекает из узнаваемых, понятных читателям бытовых картин.

По тропам Азии срединной
Еще ступать,
идти,
брести мне,
Так много обойти дорог.
<...>
Через пески,
холмы,
лощины,
Сквозь перевалы –
до вершины,
До пика снежного того!..
И от последнего колодца
Прийти туда,
где так же вьется
Тропинка детства моего.

Наиболее близким к нашим дням можно считать следующее издание лирических стихов Раима Фархади – «Остров стихов» (Великобритания, Лондон: Издательство «Hertfordshire Press Ltd.», 2017). И это довольно внушительный по

объему сборник. В нем Раим Хакимович являет себя чутким экспериментатором в творчестве, ищущим и отражающим важные приметы наступившего XXI столетия.

Книга «Остров стихов» включила в себя большой массив избранных стихотворений (некоторые публиковались ранее, а некоторые являлись новыми на момент выхода книги), очищенных от какого-либо идеологического налета, апеллирующих к возвышенным чувствам и трезвому рассудку читателя. Конечно, этот эпохальный сборник стихотворений мастера поэтического цеха требует отдельного разговора. Но всё же о некоторых его особенностях позволю себе сказать прямо сейчас.

Стихотворения в сборнике объединены в тематические циклы, первый из которых – «Моя Евразия» – задает достаточно высокую планку лирико-философского повествования. Как и в самом слове «Евразия», в стихах этого цикла тесно переплетены Европа и Азия, на протяжении веков культурно обогащавшие друг друга, а для нескольких поколений жителей бывших союзных республик являвшиеся единой культурной родиной. Духовные связи между Западом и Востоком проходят, я уверен в этом, через сердце автора книги, на страницах которой вполне органично соседствуют, например, узбекское сказание «Птица-свет» и лирическое повествование о пребывании Сергея Есенина и Айседоры Дункан в Лондоне.

А сколько любви, сердечной отзывчивости в стихотворении «Глаза васильковые»? Любуясь нарисованной Марком Шагалом синеглазой красавицей, автор переносится в «просторы отзывчивой Азии искать городов многоцветие»:

*У вас удивительно синие
Откуда глаза васильковые?
Хоть дуют здесь ветры пустынные,
Спать всё живое готовы.*

*Шагал «Васильки» свои выдумал
Под небом парижской окраины.
Он синь всю из тюбика выдавил
И чудо представил заранее.*

Практически во всех циклах стихов книги находится место для непростых размышлений о судьбах народов, государств в непростые времена (а они, увы, всегда таковы), острых вопросах, но при этом Раиму Фархади удается уйти от острой публицистичности, нарочитой социальности. Будучи истинным восточным мудрецом-аксакалом, Раим Хакимович понимает, что корни многих проблем в исконной борьбе добра со злом, что только кропотливо взращивая добро в своей душе, можно победить (когда-нибудь!) людские пороки.

В этой непрекращающейся работе по воспитанию своей (а поскольку он поэт, но и нашей, читательской) души Р. Фархади черпает силу, энергию в природе. И не удивительно, что растения, прежде всего деревья, часто выступают в книге «Остров стихов» как одухотворенные существа, исполненные жизненной стойкости и первозданной (вековой) мудрости.

*В лихой городской суете
Не всё еще мною потеряно,
Пока я могу доброте
Учиться у стойкого дерева.*
(«Юбилей дерева»)

Еще отмечу одну деталь. Можно сказать, что в этой книге Раим Фархади в полный голос (возможно, раньше ему это не всегда разрешали) ведет творческий диалог с гениями прошлого – выдающимися поэтами, художниками, актерами, учеными и мыслителями. Таким образом он пытается выстроить единый, очень значимый для всех нас, жителей многополярного мира, культурологический ряд, не разъединяющий, а объединяющий представителей разных народов и стран. Ведь творческие личности всех времен трудились ради всего человечества, они являются духовными братьями и сестрами, ведущими диалог друг с другом на языке таланта, гуманизма и прогресса. Вполне живыми, не плакатными и не ходульными, предстают в лирических зарисовках Раима Фархади поэты Омар Хайям, Анна Ахматова, Сергей Есенин, Борис Пастернак, бард и актер Владимир Высоцкий, ученый Ибн Сина и многие другие выдающиеся личности.

Но, отдавая дань уважения великим, Раим Хакимович ни в коем случае не принижает значение людей малоизвестных, чей повседневный труд также двигает прогресс (в очевидности этого постулата заставляет нас убедиться нынешнее противодействие пандемии коронавируса, когда обычно «незаметные» медики стали незаменимыми героями).

Если говорить о технической стороне произведений, собранных в книге, то бросается в глаза их ритмическая «нервность». Чувствуется, что автор не стремился к изысканным формам выражения, ему было важно запечатлеть искреннюю эмоцию, простыми размерами донести «трудные» истины. Это вполне логично: в наше время красотами слога, изысканностью рифмы и сложностью строфики мало кого удивишь.

В качестве пожелания могу добавить, что ожидаю от Раима Хакимовича дальнейшего лирического развития. Мне кажется, в нынешних условиях читатели ждут от поэта еще большей личностной открытости, внимательного и вдумчивого отражения глубоких сердечных переживаний. Здесь я бы процитировал Осипа Мандельштама, 130-летие со дня рождения которого отмечалось совсем недавно – в 2021 году: «Я скажу тебе с последней прямоотой...» Вот этой «последней прямооты» (в смысле высочайшего уровня доверия читателю) мы будем ждать от следующих поэтических книг Раима Хакимовича. Но задел уже есть: в газете «Вечерний Ташкент» (публикацией в ней Раим Фархади дебютировал в 1966 году в местной печати), в начале 2020 года (незадолго до фактического прекращения работы этого издания) опубликовано его стихотворение с мощным, глубоко искренним чувственным началом.

*Сентябрь. И в пыльной позолоте
На ветках листья шелестят.
И Вы уже мгновенья ждете,
Когда начнется листопад.*

*Но хочется, чтобы сначала
Дождем умытая листва
Лучистым утром засверкала,
Вернув забытые слова,*

*Потерянные жизни краски
И многоцветье вешних дней;
Чтоб стала явь чудесней сказки,
А мы вдруг оказались в ней...
(«До листопада»)*

Подводя итог вышесказанному, рискну заметить, что «Остров стихов» – это успех, к которому автор шел долгие годы, основы которого заложены им в предыдущих книгах. А потому достойны внимания и они, пусть уже и ретроспективно.

P. S.

Оговорю особо: за пределами этой статьи оставлены стихи поэта для младшего и детского возраста. В жанре детской литературы Р. Фархади – признанный корифей. Этот большой пласт его творчества требует отдельного исследования.

*2021 – 2022
Ташкент*